

Толстой Лев Николаевич

Христианское учение

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Христианское учение / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 104 с.

ISBN 978-5-519-77189-4

ISBN 978-5-519-77189-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Жилъ я до 50-ти лѣтъ, думая, что та жизнь человѣка, которая проходитъ отъ рожденія и до смерти, и есть вся жизнь его, и что потому цѣль человѣка есть счастье въ этой смертной жизни, и я старался получить это счастье, но чѣмъ дальше я жилъ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что счастья этого нѣтъ и не можетъ быть. То счастье, которое я искалъ, не давалось мнѣ; то же, котораго я достигалъ, тотчасъ же переставало быть счастьемъ. Несчастій же становилось все больше и больше и неизбежность смерти становилась все очевиднѣе и очевиднѣе, и я понималъ, что послѣ этой бессмысленной и несчастной жизни меня ничего не ожидаетъ, кромѣ страданія, болѣзни, старости и уничтоженія. Я спросилъ себя: зачѣмъ это? и не получилъ отвѣта. И я пришелъ въ отчаяніе.

То, что говорили мнѣ нѣкоторые люди и въ чемъ я самъ иногда старался увѣрить себя, что надо желать счастья не себѣ одному, но другимъ, близкимъ и всѣмъ людямъ, не удовлетворяло меня, во 1-хъ, потому, что я не могъ искренно, такъ же какъ себѣ, желать счастья другимъ людямъ; во 2-хъ и главное потому, что другіе люди, точно такъ же, какъ и я, были обречены на несчастье и смерть. И потому всѣ мои старанія объ ихъ благѣ были тщетны.

Я пришелъ въ отчаяніе. Но я подумалъ, что мое отчаяніе можетъ происходить отъ того, что я особенный человѣкъ, что другіе люди знаютъ, зачѣмъ живутъ, и потому не приходятъ въ отчаяніе.

И я сталъ наблюдать другихъ людей, но другіе лю-

ди точно такъ же, какъ и я, не знали, зачѣмъ они живутъ. Одни старались суетой жизни заглушить это незнаніе, другіе же увѣряли себя и другихъ, что они вѣрятъ въ разныя вѣры, которыя съ дѣтства внушены имъ; но вѣрить въ то, во что они вѣрили, невозможно было, такъ это было глупо. Да и многіе изъ нихъ, мнѣ казалось, только притворялись, что они вѣрятъ, но въ глубинѣ души не вѣрили.

Продолжать суетиться я уже не могъ: никакая суета не скрывала непрестанно стоящаго передо мною вопроса; и такъ же не могъ вновь начать вѣрить въ ту вѣру, которая была преподана мнѣ съ дѣтства и которая, когда я возмужалъ умомъ, сама собой отпала отъ меня. Но чѣмъ больше я изучалъ, тѣмъ больше я убѣждался, что тутъ и не можетъ быть истины, что тутъ одно лицемеріе и корыстные виды обманывающихъ и слабоуміе, упрямство и страхъ обманутыхъ.

Не говоря уже о внутреннихъ противорѣчіяхъ этого ученія, о низменности, жестокости его, признающаго Бога карающимъ людей вѣчными мученіями*), главное, что не позволяло мнѣ повѣрить въ это ученіе, было то, что я зналъ, что рядомъ съ этимъ православнымъ христіанскимъ ученіемъ, утверждавшимъ, что оно одно въ истинѣ, было другое христіанское католическое, третье лютеранское, четвертое реформатское, — и всѣ различныя христіанскія ученія, изъ которыхъ каждое про себя утверждало, что оно одно въ истинѣ; зналъ я и то, что рядомъ съ этими христіанскими ученіями существуютъ еще нехристіанскія религіозныя ученія — буддизма, браманизма, магометанства, конфуціанства и др., точно также считающія только себя истинными, всѣ же другія ученія — заблужденіемъ.

И я не могъ вернуться ни къ той вѣрѣ, которой былъ наученъ съ дѣтства, ни повѣрить въ какую-либо изъ тѣхъ, которыя исповѣдывали другіе народы, потому что во всѣхъ были одни и тѣ же противорѣчія, бессмысли-

*) Всѣ противорѣчія эти я изложилъ подробно въ книгѣ „Критика Догматическаго Богословія“.

цы, чудеса, отрицающія всѣ другія вѣры, а главное, ихъ обманъ требованія слѣпому довѣрїю своему ученію.

И такъ, я убѣдился въ томъ, что въ существующихъ вѣрахъ я не найду разрѣшенія моего вопроса и облегченія моихъ страданій. Отчаяніе мое было таково, что я былъ близокъ къ самоубійству.

Но тутъ и пришло мнѣ спасеніе. Спасеніе было въ томъ, что я съ дѣтства удержалъ смутное представленіе о томъ, что въ Евангеліи есть отвѣтъ на мой вопросъ. Въ ученіи этомъ, въ Евангеліи, несмотря на всѣ извращенія, которымъ оно подверглось въ ученіи христіанской церкви, я чуялъ истину. И я сдѣлалъ послѣднюю попытку: откинувъ всякія толкованія евангельскаго ученія, я сталъ читать и изучать Евангелія и вникать въ смыслъ ихъ. И чѣмъ больше я вникалъ въ смыслъ этой книги, тѣмъ больше мнѣ уяснялось нѣчто новое, совсѣмъ не похожее на то, чему учатъ христіанскія церкви, но отвѣчающее на вопросъ моей жизни. И наконецъ отвѣтъ этотъ сталъ совершенно ясенъ.

И отвѣтъ этотъ былъ не только ясенъ, но и несомнѣненъ, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ вполне совпадалъ съ требованіями моего разума и сердца, во-вторыхъ, тѣмъ, что когда я понималъ его, то я увидалъ, что отвѣтъ этотъ не есть исключительное мое толкованіе Евангелія, какъ это могло показаться, и не есть даже исключительно откровеніе Христа, но что этотъ самый отвѣтъ на вопросъ жизни болѣе или менѣе ясно высказывали всѣ лучшіе люди человѣчества и до и послѣ Евангелія, начиная съ Моисея, Исаи, Конфуція, древнихъ грековъ, Будды, Сократа и до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха и всѣхъ тѣхъ, часто незамѣтныхъ и непроставленныхъ людей, которые искренно, безъ взятыхъ на вѣру ученій, думали и говорили о смыслѣ жизни. Такъ что въ познаніи почерпнутой мной изъ Евангелій истины я не только не былъ одинъ, но былъ со всѣми лучшими людьми прежняго и нашего времени. И я утвердился въ этой истинѣ, успокоился и радостно прожилъ послѣ этого 20 лѣтъ своей жизни и радостно приближаюсь къ смерти.

И вотъ этотъ отвѣтъ на смыслъ моей жизни, давшій мнѣ полное успокоеніе и радость жизни, я и хочу передать людямъ.

Я стою по своему возрасту, состоянію здоровья одной ногой въ гробу, и потому человѣческія соображенія не имѣютъ для меня значенія, и ежели бы имѣли какое-либо значеніе, то я знаю, что это изложеніе моей вѣры не только не будетъ содѣйствовать ни моему благосостоянію, ни доброму мнѣнію обо мнѣ людей; но, напротивъ, только можетъ возмутить и огорчить какъ людей невѣрующихъ, требующихъ отъ меня литературныхъ писаній, а не разсужденій о вѣрѣ, такъ и вѣрующихъ, возмущающихся всякими моими религіозными писаніями и бранящими меня за нихъ. Кромѣ того, по всѣмъ вѣроятіямъ писаніе это станетъ извѣстно людямъ только послѣ моей смерти*). И потому побуждаетъ меня къ тому, что я дѣлаю, не корысть, не слава, не мірскія соображенія, а только страхъ не исполнить того, чего отъ меня хочетъ Тотъ, Кто послалъ меня въ этотъ міръ, къ Которому я каждый часъ жду своего возвращенія.

И потому я прошу всѣхъ тѣхъ, которые будутъ читать это, читать и понимать мое писаніе, откинувъ такъ же, какъ и я, всѣ свѣтскія соображенія, имѣя въ виду только то вѣчное начало истины и добра, по волѣ Котораго мы пришли въ этотъ міръ, и очень скоро, какъ тѣлесныя существа, исчезнемъ изъ него, и безъ поспѣшности и раздраженія понимать и обсуждать то, что я высказываю, и въ случаѣ несогласія не съ презрѣніемъ и ненавистью, а съ сожалѣніемъ и любовью поправлять меня; въ случаѣ же согласія со мной помнить, что если я говорю истину, то истина эта не моя, а Божья, и что только случайно часть ея проходитъ черезъ меня, точно такъ же, какъ она проходитъ черезъ каждого изъ насъ, когда мы познаемъ истину и передаемъ ее.

*) См. предисловіе издателя.

Христiанское ученiе.

ЧАСТЬ I.

Древнiя вѣроученiя и новое жизнепониманiе.

1.

Древнiя вѣроученiя.

1. Всегда, съ самыхъ древнихъ временъ, люди чувствовали бѣдственность, непрочность и безсмысленность своего существованiя и искали спасенiя отъ этой бѣдственности, непрочности и безсмысленности въ вѣрѣ въ Бога или боговъ, которые могли бы избавлять ихъ отъ различныхъ бѣдъ этой жизни и въ будущей жизни давали бы имъ то благо, котораго они желали и не могли получить въ этой жизни.

2. И потому съ древнѣйшихъ временъ среди разныхъ народовъ были и разные проповѣдники, которые учили людей о томъ, каковы тотъ Богъ или тѣ боги, которые могутъ спасать людей, и о томъ, что нужно было дѣлать для того, чтобы угодить этому Богу или богамъ, для того, чтобы получить награду въ этой или будущей жизни.

3. Одни религiозныя ученiя учили тому, что Богъ этотъ есть солнце и олицетворяется въ разныхъ животныхъ; другiе учили, что боги — это небо и земля; третьи учили тому, что Богъ создалъ мiръ и избралъ изъ всѣхъ народовъ одинъ любимый народъ; четвертые учили, что есть много боговъ, и что они участвуютъ въ дѣлахъ людей; пятые учили тому, что Богъ, принявъ образъ человѣка, сошелъ на землю,

И всѣ эти учителя, перемѣшивая истину съ ложью, требовали отъ людей, кромѣ воздержанія отъ поступковъ, считавшихся дурными, и исполненія дѣлъ, считавшихся добрыми, еще и таинства, и жертвы, и молитвы, которыя больше всего другого должны были обезпечивать людямъ ихъ благо въ этомъ мірѣ и въ будущемъ.

2.

Недостаточность древнихъ вѣроученій.

4. Но чѣмъ больше жили люди, тѣмъ меньше и меньше удовлетворяли эти вѣроученія требованіямъ души человѣческой.

5. Люди видѣли, во-первыхъ, то, что счастье въ этомъ мірѣ, къ которому они стремились, не достигалось, не смотря на исполненіе требованій Бога или боговъ.

6. Во-вторыхъ, вслѣдствіе распространенія просвѣщенія, довѣріе къ тому, что проповѣдывали религіозные учителя о Богѣ, о будущей жизни и о наградахъ въ ней, не совпадая съ уяснившимися понятіями о мірѣ, все ослабѣвало и ослабѣвало.

7. Если прежде люди безпрепятственно могли вѣрить тому, что Богъ сотворилъ міръ 6000 лѣтъ тому назадъ, что земля есть центръ вселенной, что подъ землей находится адъ, что Богъ сходилъ на землю и потомъ улетѣлъ на небо и т. п., то теперь уже этому нельзя вѣрить, потому что люди вѣрно знаютъ, что міръ существуетъ не 6000 лѣтъ, а сотни тысячъ лѣтъ, что земля не есть центръ міра, а только очень маленькая планета въ сравненіи съ другими небесными тѣлами, и знаютъ, что подъ землей ничего не можетъ быть, такъ какъ земля шаръ; знаютъ, что улетѣть на небо нельзя, потому что неба нѣтъ, а есть только кажущійся сводъ небесный.

8. Въ -третьихъ, главное — подрывалось довѣріе къ этимъ различнымъ ученіямъ тѣмъ, что люди, вступая въ болѣе близкое общеніе между собой, узнавали про

то, что въ каждой странѣ религіозные учителя проповѣдуютъ свое особенное ученіе, признавая одно свое—истиннымъ, и отрицаютъ всѣ другія.

И люди, зная про это, естественно дѣлали выводъ о томъ, что ни одно изъ этихъ ученій не болѣе истинно, чѣмъ другое, и что потому ни одно изъ нихъ не можетъ быть принято за несомнѣнную и непогрѣшимую истину.

3.

Необходимость новаго вѣроученія, соотвѣтствующаго степени просвѣщенія человѣчества.

9. Недостижимость счастья въ этой жизни, все расширяющееся просвѣщеніе человѣчества и общеніе людей между собой, вслѣдствіе котораго они узнали вѣроученія другихъ народовъ, дѣлали то, что довѣріе людей къ преподаннымъ имъ вѣроученіямъ все ослабѣвало и ослабѣвало.

10. А между тѣмъ, потребность объясненія смысла жизни и разрѣшенія противорѣчія между стремленіемъ къ счастью и жизни съ одной стороны, и все болѣе и болѣе уяснявшимся сознаніемъ неизбѣжности бѣдствія и смерти съ другой—становилось все настоятельнѣе и настоятельнѣе.

11. Человѣкъ желаетъ себѣ блага, видитъ въ этомъ смыслъ своей жизни, и чѣмъ больше онъ живетъ, тѣмъ болѣе видитъ, что благо это для него невозможно; человѣкъ желаетъ жизни, продолженія ея, и видитъ, что и онъ, и все существующее вокругъ него обречено на неизбѣжное уничтоженіе и исчезновеніе; человѣкъ обладаетъ разумомъ и ищетъ разумаго объясненія явленій жизни, и не находитъ никакаго разумаго объясненія ни своей, ни чужой жизни.

12. Если въ древности сознаніе этого противорѣчія между жизнью человѣческою, требующей блага и продолженія ея — и неизбѣжностью смерти и страданій было доступно только лучшимъ умамъ, какъ Соломону,

Буддѣ, Сократу, Лао-Тсе и др., то въ позднѣйшее время это стало истиной, доступной всѣмъ; и потому разрѣшеніе этого противорѣчія стало пужнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

13. И вотъ именно въ то время, когда разрѣшеніе противорѣчія стремленія къ благу и жизни, съ сознаніемъ невозможности ихъ, стало особенно мучительно необходимымъ для человѣчества,—оно и дано было людямъ христіанскимъ ученіемъ въ его истинномъ значеніи.

4.

Въ чемъ состоитъ разрѣшеніе противорѣчія жизни и объясненіе ея смысла, даваемое христіанскимъ вѣроученіемъ въ его истинномъ значеніи.

14. Древнія вѣроученія своими увѣреніями о существованіи Бога-творца, промыслителя и искупителя, старались скрыть противорѣчіе жизни человѣческой; христіанское же ученіе, напротивъ, показываетъ людямъ это противорѣчіе во всей его силѣ; показываетъ имъ то, что оно должно быть, и изъ признанія противорѣчія выводитъ и разрѣшеніе его. Противорѣчіе состоитъ въ слѣдующемъ:

15. Дѣйствительно, съ одной стороны человѣкъ есть животное и не можетъ перестать быть животнымъ, пока онъ живетъ въ тѣлѣ; съ другой стороны онъ есть духовное существо, отрицающее всѣ животныя требованія человѣка.

16. Человѣкъ въ первое время своей жизни живетъ, не зная о томъ, что онъ живетъ, такъ что живетъ не онъ самъ, но черезъ него живетъ та сила жизни, которая живетъ во всемъ, что мы знаемъ.

17. Человѣкъ начинаетъ жить самъ только тогда, когда знаетъ, что онъ живетъ. Знаетъ же онъ, что живетъ, когда знаетъ, что желаетъ блага себѣ и что другія существа желаютъ того же. Это знаніе даетъ ему пробудившійся въ немъ разумъ.

18. Узнавъ же то, что онъ живетъ и желаетъ блага себѣ и что того же желаютъ и другія существа, человѣкъ неизбежно узнаетъ и то, что то благо, котораго онъ желаетъ для своего отдѣльнаго существа, недоступно ему и что вмѣстѣ того блага, котораго онъ желаетъ, ему предстоятъ неизбежныя страданія и смерть. То же самое предстоитъ и всѣмъ другимъ существамъ. И является противорѣчiе, которому человѣкъ ищетъ разрѣшенія такого, при которомъ его жизнь, такая, какая она есть, имѣла бы разумный смыслъ. Онъ хочетъ, чтобы жизнь продолжала бы быть тою, какою она была до пробужденія его разума, т.-е. совсѣмъ животною, или чтобы она была уже совсѣмъ духовною.

19. Человѣкъ хочетъ быть звѣремъ или ангеломъ, но не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ.

20. И тутъ-то является то разрѣшеніе этого противорѣчiя, которое даетъ христіанское ученіе. Оно говоритъ человѣку, что онъ ни звѣрь, ни ангелъ, но ангелъ, рождающійся отъ звѣря,—духовное существо, рождающееся изъ животнаго. Что все наше пребываніе въ этомъ мірѣ есть не что иное, какъ это рожденіе.

5.

Въ чемъ состоитъ рожденіе духовнаго существа?

21. Какъ только человѣкъ пробуждается къ разумному сознанію, сознаніе это говоритъ ему, что онъ желаетъ блага; а такъ какъ разумное сознаніе его пробудилось въ его отдѣльномъ существѣ,—то ему кажется, что его желаніе блага относится къ его отдѣльному существу.

22. Но то самое разумное сознаніе, которое показало ему себя отдѣльнымъ существомъ, желающимъ себѣ блага, показываетъ ему и то, что отдѣльное существо это не соответствуетъ тому желанію блага и жизни, которыя онъ ему приписываетъ, онъ видитъ, что отдѣльное существо это не можетъ имѣть ни блага, ни жизни.

23. «Что же имѣетъ истинную жизнь?» спрашиваетъ онъ себя и видитъ, что истинной жизни не имѣетъ ни онъ, ни тѣ существа, которыя окружаютъ его, а только то, что желаетъ блага.

24. И, познавъ это, человѣкъ перестаетъ признавать собою свое отдѣльное отъ другихъ тѣлесное и смертное существо, а признаетъ собою то нераздѣльное отъ другихъ духовное и потому не смертное существо, которое открыто ему его разумнымъ сознаніемъ.

Въ этомъ состоитъ рожденіе въ человѣкѣ новаго духовнаго существа.

6.

**Что такое то существо, которое рождается въ
человѣкѣ?**

25. Существо, открываемое человѣку его разумнымъ сознаніемъ, есть желаніе блага, есть то же самое желаніе блага, которое и прежде составляло цѣль его жизни, но съ той разницей, что желаніе блага прежняго существа относилось къ отдѣльному одному тѣлесному существу, и не сознавало себя, теперешнее же желаніе блага сознаетъ себя и потому относится не къ чему-либо отдѣльному, а ко всему существующему.

26. Въ первое время пробужденія разума человѣку казалось, что желаніе блага, которое онъ сознаетъ собою, относится только къ тому тѣлу, въ которое оно заключено.

27. Но чѣмъ яснѣе и тверже становится разумъ, тѣмъ яснѣе становилось, что истинное существо, истинное «я» человѣка, какъ скоро онъ сознаетъ себя, есть не его тѣло, не имѣющее истинной жизни, а желаніе блага само въ себѣ, другими словами—желаніе блага всему существующему.

28. Желаніе же блага всему существующему есть то, что даетъ жизнь всему существующему, то, что мы называемъ Богомъ.